

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ
ИЗМЕНА
В ИМЕНИ ТВОЕМ

СВР: Марина Чернышева

Чингиз Абдуллаев

Измена в имени твоём

«PEN-клуб»

1996

Абдуллаев Ч. А.

Измена в имени твоём / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
1996 — (СВР: Марина Чернышева)

Разведка – циничное ремесло. И если с помощью секса разведчик может достичь своей цели, он должен сделать это. Разве красота – это не оружие своего рода? Очаровательная женщина, полковник русской разведки Марина Чернышева отправляется в Западную Европу. После падения берлинской стены связи со многими агентами оборваны. Миссия Марины – вновь установить контакты с теми, кто выполнял тайное задание, используя весьма пикантные методы.

© Абдуллаев Ч. А., 1996

© PEN-клуб, 1996

Содержание

Вместо вступления	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Чингиз Абдуллаев

Измена в имени твоём

Из прежних моих поучений вы могли вывести, что мужчина – дурак; теперь вам известно, что женщина – дьявольская дура.

Марк Твен

Письма с земли

Письмо восьмое

Большинство фамилий названных здесь лиц изменены. Почти все приведенные факты соответствуют действительности. Автор приносит извинения людям, так или иначе изображенным в романе.

Вместо вступления

Повсюду царило ликование. Прорвавшие Берлинскую стену люди веселились прямо у Бранденбургских ворот, столько десятилетий служивших символом раздела немецкой нации. Ненавистную Стену крушили, к восторгу собравшихся, прямо на глазах. Били кирками, молотками, просто руками. Молодые парни и девушки танцевали на Стене, размахивая руками. В эту ночь два Берлина, бывшие столько лет разными городами, наконец объединились. Хлынувшие с Восточной стороны толпы народа прорвали Стену и соединились со своими родными и близкими с другой стороны города.

Он был одним из немногих, кто в эту ночь не разделял восторга собравшихся. Старательно объезжая места особого скопления людей, он искал любую возможность проехать из Западной зоны в Восточную. Но сегодня, когда перестала существовать граница и была разрушена Стена, сделать это было непросто. Казалось, можно пройти откуда угодно. Пограничники в эти дни словно позабыли о своих обязанностях. Но идти через контрольные пункты было невозможно. Повсюду стояли толпы людей.

Пробившись к одному из подобных пунктов, он около часа пытался пробиться на Восточную сторону. Люди в эту ночь словно обезумели, многие жители Восточного Берлина стремились попасть в Западный. Пограничные пункты ранее были символами раздела не только Берлина, не только немецкой нации, но и всего мира, четко поделив его пополам. Слово построенная за одну ночь, Стена оказалась зримым воплощением безумного мира, разделившегося на два лагеря и пытавшегося победить в ожесточенной «холодной» войне.

Наконец он сумел вырваться из толпы и быстро зашагал по улице. Машину пришлось оставить в Западном Берлине. В эти ночные часы улицы Восточного Берлина были непривычно пусты. Слово все население города было стянуто к Стене. Конечно, это была только видимость. Толпа, состоящая в основном из молодых людей, определяла настрой города. Пожилые люди, не согласные с ними, предпочитали отсиживаться дома.

Ему пришлось идти минут пятнадцать, пока наконец он не свернул на тихую улицу в поисках телефонного автомата. Подойдя к телефону, он еще раз оглянулся. Быстро поднял трубку, набрал номер.

– Это я, – сказал он торопливо, – только что прибыл с другой стороны. У меня срочное сообщение от Барона.

– Где ты находишься? – спросил его знакомый голос.

Он назвал адрес.

– Я сейчас приеду, – пообещал его собеседник. – Жди меня на месте. Никуда не отлучайся.

Он повесил трубку.

Через пятнадцать минут подъехала темно-синяя «Шкода». Он хорошо знал сидевшего за рулем. И, не раздумывая, нырнул в машину.

– Добрый вечер, – сказал прибывший, – где твоя машина?

– Оставил на другой стороне. На машине сегодня ночью проехать невозможно.

– Понятно, – мрачно кивнул встречавший гостя. – Все словно сошли с ума. Устроили такую вакханалию... Какие сведения от Барона? – Он мягко тронул автомобиль, оглядываясь назад. Все было спокойно.

– Он просил передать, что имеет точные данные, подтверждающие активизацию западногерманской разведки в Югославии. С участием сотрудников восьмого управления Министерства обороны и представителей Министерства иностранных дел разрабатывается план по дестабилизации положения в этой стране и, как следствие, развал ее на несколько автономных частей, включая Хорватию и Словению, через которые будущая Германия сможет выйти к Средиземному морю.

– Будущая Германия, – зло усмехнулся сидевший за рулем, – кому это все нужно? Какая она будет?

– Я просто передаю его сообщение, – связному не нравилось настроение приехавшего, но он не стал с ним спорить.

– Вон там будущая Германия, – показал его собеседник, – орут от радости. Завтра они пойдут приступом на наше ведомство, и уже завтра вечером мы все будем висеть на фонарных столбах. Эгон Кренц оказался просто болтуном. А Хонеккер не мог больше оставаться. Его бы не поддержал Горбачев, а без русских танков мы ничто. Блеф. Пустое место. – Он резко свернул к каналу, проезжая мимо равнодушно стоявшего пожилого прохожего. Тот, похоже, никуда не спешил.

– Это не мое дело, – строго ответил связной, – я должен сегодня вернуться в Западный Берлин.

– И ты тоже такой, – зло сказал встречающий, – все вы бывшие моралисты. А сам наверняка радуешься, что успел вовремя устроиться в Западном Берлине. И теперь не пропадешь в любом случае.

– Я выполнял задание.

– Знаю я ваши задания. Только ходите туда и обратно. А мы все сидели в этом дерьме. Тебе ничего не грозит, ты у нас чистенький. Документы в порядке, образцовый гражданин Западной зоны. А нам всем что делать? Куда бежать? В Советский Союз? Так где гарантия, что Горбачев не выдаст нас, если сдал всю нашу страну, целиком, без остатка.

Он подъехал к каналу и остановился недалеко от моста.

– У тебя нет никаких директив для агентуры? – Связному все меньше нравился этот разговор.

– Ты так торопишься?

– Конечно. Мне нужно быстрее вернуться... Так есть какие-нибудь директивы?

– Есть, – усмехнулся его собеседник, – конечно, есть. Сейчас я их тебе вручу.

И, достав из внутренней кобуры пистолет, он, не раздумывая, выстрелил в сидевшего рядом с ним человека, вышибая ему мозги. Салон машины забрызгала кровь.

– Директивы, – скрипнул зубами встречавший, – ему еще нужны директивы. Проклятые сволочи! Испортили мне всю жизнь.

Выйдя из автомобиля, он перетащил тело убитого на свое место. Быстро обыскал карманы, доставая из них документы, деньги и ключи от машины. Затем, достав свой паспорт и несколько ненужных бумажек, сунул их в карман убитого. Тщательно вытер рукоятку пистолета и вложил его в левую руку погибшего, чтобы была версия самоубийства.

– Директивы, – все время хрипел он от ненависти, – им еще нужны директивы.

Поставив автомобиль на холостой ход, он вылез из него и толкнул машину по направлению к каналу. Через несколько секунд послышался удар о легкие деревянные ограждения, поставленные здесь рабочими. Машина, проломив препятствие, почти беззвучно вошла в воду. Он еще некоторое время смотрел, как наполняется водой салон и его «Шкода» уходит под воду. И только когда все было кончено, тяжело вздохнул, словно действительно расставался с прежней жизнью. Раз и навсегда. Позади был трудный путь. Впереди ждала неизвестность. Но она его уже не пугала.

Он еще раз посмотрел на то место, где исчезла машина, и пожал плечами, словно оправдывая сам себя.

– Директивы, – сказал он нервно, – какая все это глупость.

Глава 1

Полгода спустя

Он сидел в автомобиле и терпеливо ждал, когда удастся въехать на основную дорожку, ведущую ко входу в туннель. На часах было уже половина пятого, и он начинал нервничать, постукивая пальцами правой руки по рулю. В любом случае нужно было ждать, пока наконец рассосется эта гигантская пробка, протянувшаяся от самого Нью-Йорка до Манхэттена.

Он еще надеялся, что удастся проскочить этот туннель, сумев выехать на Манхэттен до того, как машины, следовавшие одна за другой, плотно сольются в единый автомобильный поток, из которого уже будет невозможно выбраться. Но он ошибся. Впрочем, это и неудивительно. Пока улаживались все необходимые формальности в аэропорту, пока он ждал прибытия самолета из Берлина и, наконец, пока появился этот Шмидт, прошло более трех часов. И все три часа в аэропорту он нервничал, ожидая в любой момент громких криков полиции либо таможенных служб. Он даже предъявил свой дипломатический паспорт и получил специальную карточку, чтобы пройти внутрь, поближе к стойкам сотрудников иммиграционных служб, которые проверяли всех прибывших в страну гостей.

Но все прошло благополучно. Шмидт появился, правда, одним из последних, проходя паспортный контроль. С визой все было в порядке, и он вышел на площадку без чемоданчика, который предусмотрительно сдал в багаж. Никогда в жизни они так не ждали появления багажа на линии транспортера, как в этот раз. Но наконец чемоданчик был получен и сейчас лежал на переднем сиденье его автомобиля, рядом с водителем. А сам Шмидт улетел обратным рейсом в Берлин. Опасаясь опоздать к самолету, он не успел даже выпить своей чашечки кофе.

Теперь, сидя за рулем, водитель иногда посматривал на этот чемоданчик. Может, в нем действительно заключался какой-то выход из той тупиковой ситуации, в которую они все попали? Или это была лишь иллюзия спасения. Он еще не знал ответа на этот вопрос, но понимал, что должен прибыть в посольство как можно быстрее.

Советник постоянного представительства Германской Демократической Республики при ООН Андреас Грунер был сравнительно молод. Ему шел тридцать шестой год. Высокий блондин, с резкими, будто высеченными чертами лица, он являл собой почти нордический тип, обладая к тому же высокой подвижной фигурой с развитой грудной клеткой спортсмена. Для непосвященных он был всего лишь высокопоставленным дипломатом. И только немногие посвященные знали, что Андреас Грунер был резидентом восточногерманской разведки в Нью-Йорке, успешно осуществляя свою истинную деятельность под дипломатическим прикрытием.

Несмотря на почти летнюю солнечную майскую погоду, Грунер был в темном костюме. Он действительно сознательно выбрал одежду не по сезону, ибо в этот темный костюм, надеваемый на дипломатические приемы, был вмонтирован специальный скэллер, позволявший исключать возможность прослушивания разговоров его владельца.

Включив кондиционер, он посмотрел на часы. Если так пойдет и дальше, на работу в свой офис он приедет не раньше шести вечера. А ему еще нужно повидать Земпера, заместителя постоянного представителя, который обязан передать ему тот самый конверт с инструкциями.

Но на этот раз ему повезло. Автомобили перед ним двигались все быстрее и быстрее. И наконец он выехал к туннелю, миновав который можно было более спокойно двигаться в сторону центра Манхэттена, где находилось и их представительство. К зданию он подъехал без двадцати шесть. Кивнул улыбающемуся дежурному охраннику, сидевшему внизу, и вошел в лифт, держа в руках полученный в аэропорту чемоданчик. В здании располагалось сразу несколько постоянных представительств. Он поднялся на свой этаж. Привычно позвонил в

дверь. Никто не отозвался. «Неужели все ушли, – нахмурился Грунер. – И Земпер тоже? Это на него не похоже. Он обычно был так пунктуален».

Грунер позвонил еще раз. Снова никто не отозвался. Он достал свои ключи и, отперев первую дверь, вошел в небольшой коридорчик. Если его видят, они должны открыть ему вторую дверь. Она открывается автоматически, как, собственно, и первая. Но снова никакого намека на то, что его увидели. Он достал ключи от второй двери. Открыв ее, шагнул внутрь. Неужели Земпер действительно уехал, не дождавшись его? Но в коридоре горит свет. Он прошел к комнате постпреда. Дверь заперта. И хотя у него были ключи от всех кабинетов, эта дверь сейчас интересовала его менее всего. Прошел дальше. Так и есть, у Земпера горит свет. В таком случае почему этот идиот не открыл дверь? Грунер с мрачным лицом толкнул дверь в кабинет Земпера.

За столом, положив голову на руки, сидел Земпер. Он, кажется, даже не услышал вошедшего Грунера. И лишь когда Грунер подошел совсем близко, он поднял голову. Глаза были опухшие, красные. Или он плакал?

– Что случилось? – спросил Грунер. – Почему вы не открываете мне дверь?

– Они пошли на все условия, – неуверенно выдавил Земпер.

– Что произошло?

– Правительство согласилось подписать все условия Колля. Уже к концу года произойдет полное объединение страны, – сказал, тяжело дыша, Земпер. – У нас с вами больше нет нашей страны, герр Грунер. Германской Демократической Республики больше не существует.

– А куда делись все наши сотрудники? – не сообразил Грунер.

– К нам позвонил из постпредства ФРГ какой-то клерк и приказал всем явиться к их постоянному представителю ровно в шесть часов. Вот наши туда и поехали.

– Как «поехали»? – нахмурился Грунер. – Все бросили работу и поехали в их представительство?

– Конечно. Все понимают, что нашей страны больше нет. Теперь произойдет объединение и двух представительств. Каждый из них хочет уцелеть в Нью-Йорке. Поэтому поехали все.

– И наш постпред тоже?

– Он в Вашингтоне, у нашего посла.

– А остальные? Неужели Майснер тоже поехал? – не поверил Грунер.

– Он агитировал всех остальных, – вздохнул Земпер. – Никогда бы не подумал, что люди способны так измениться. Вы ведь помните, каким неистовым поборником идеи был Майснер. Ведь он был секретарем нашей парторганизации. А сегодня сам опечатал кассу и запер всю партийную документацию в своем сейфе. Говорит, никогда не верил в этот хонеккерровский социализм.

– Вот сукин сын, – беззлобно заметил Грунер, – а вы почему не поехали? Из-за меня?

– Я... я не могу, – сказал Земпер, – не из-за вас. Хотя я обязан передать вам конверт. Но не из-за вас. Просто я не могу. И не хочу. Меня слишком многое связывало с той, уже несуществующей страной. Вы ведь знаете, Грунер, что я вступил в партию еще во время войны. Потом мы вместе с русскими восстанавливали Берлин. Я был совсем молодым человеком. Я не могу изменять своим принципам. Это не для меня.

– Поэтому вы сидите здесь, – понял наконец Грунер. – Шли бы лучше домой.

– Мне позвонила Марта, – вздохнул старик, – она боится за нашего сына. Он работал в «Штази». Что сейчас будет, Грунер? Они наверняка все останутся без работы? Или их посадят в тюрьму?

– Не знаю, – угрюмо ответил Грунер, вспомнив о собственной судьбе, – я ничего не знаю. Во всяком случае, при любом варианте событий не следует сидеть здесь и плакать. Идите лучше домой. Или примите реальность, как это сделал Майснер.

Старик покачал головой. Потом медленно поднялся, подошел к своему сейфу, открыл его и достал запечатанный конверт.

– Это для вас, – протянул конверт и, не удержавшись, спросил: – А вы не поедете к этим типам, в их постпредство?

– Я подумую, – сквозь зубы ответил Грунер.

Он вышел из кабинета, не забыв захватить с собой чемоданчик. Прошел к своей комнате. Открыл и вошел внутрь. Закрыл дверь и прислонился к ней, словно боясь, что кто-то может войти. Он закрыл глаза. Этого следовало ожидать. После того как осенью прошлого года пала Берлинская стена, все стало окончательно ясно. Его государство было обречено на заклятие. Вопрос был лишь во времени. Оказалось, что времени у них совсем нет. Он открыл глаза и посмотрел на лежавший рядом с ним чемоданчик. Он знал, что в нем может быть. Именно поэтому Шмидт так спешно летел в Нью-Йорк. И так же быстро улетел отсюда, чтобы успеть вернуться ночью в Берлин, уже ставший единым городом, хотя формально и находящийся в двух государствах.

Грунер поднял конверт и не спеша раскрыл его. Достал листок бумаги, стал медленно читать текст, отпечатанный за несколько недель до сегодняшнего дня. Или они все предусмотрели еще тогда?

«С момента получения данного сообщения вы переходите на нелегальное положение. И начинаете операцию „Переход“, цель которой вам известна. Полученная сумма денег должна быть размещена на счетах местного отделения „Сити-банка“. Связь через известный вам канал в Буэнос-Айресе. Желаем успеха».

Он понял, что все действительно давно решено. Они успели подготовиться к такому событию. Неужели предвидели действительно все? В том числе и поведение таких мерзавцев, как Майснер. Или предвидеть все вообще невозможно? Он по-прежнему стоял, прислонившись к двери. Несчастный Земпер. Все, во что он верил, оказалось разрушенным. Больше не было ни его страны, ни его партии. Как все это должно быть для него страшно.

Грунер наклонился к чемоданчику, поднял его и положил на стол. Набрал нужный код, достал ключи, открыл замок. Чемоданчик был плотно набит сто долларовыми купюрами. Здесь было ровно три миллиона долларов, это Грунер уже знал. Сверху лежала папка. В ней находились билет на сегодняшний ночной рейс в Аргентину и новенький паспорт на имя Альфреда Кохана. С его собственной фотографией. И, конечно, с испанской визой. Он долго смотрел на фотографию, словно пытаясь узнать самого себя. Отныне ему предстояло жить под этим именем. Андреас Грунер, бывший резидент восточногерманской разведки, в эту минуту исчез. И родился новый бизнесмен из Южной Америки – Альфред Кохан.

Глава 2

Год спустя

Она еще раз оглядела свой автомобиль. Кажется, припарковала правильно. Этот элемент вождения все еще давался ей с трудом. Взглянула на часы. Есть еще несколько минут. И побежала к нужному ей пятиэтажному дому. Вход в этот блок был закрыт. Требовалось набрать специальный код. Она быстро набрала нужную последовательность цифр. Открыла дверь. За второй дверью сидел охранник. Он, конечно, ее узнал, но здесь были свои строгие правила, и она достала из сумочки удостоверение, развернула его фотографией к охраннику. И только после этого щелкнул замок и вторая дверь медленно начала открываться.

Она побежала по лестнице. В этом здании, расположенном достаточно далеко от площади Дзержинского, размещалось одно из подразделений Первого главного управления КГБ СССР. Одно из подразделений советской разведки, называемое в документах группой «Кларисса».

Сама идея создания подобной группы из аналитиков-профессионалов, психологов, экспертов, использующих в своей деятельности новейшие достижения медицины и психологии, была практически реализована около двадцати лет назад, когда в начале семидесятых, после замен в руководстве советской разведки, было принято решение об изменении подходов к определенным проблемам.

В этой группе работали самые красивые женщины и самые обаятельные мужчины. Группа часто добивалась больших успехов там, где пасовала обычная логика и обычные методы работы профессионалов. Полковник Марина Чернышева была одним из лучших сотрудников группы «Кларисса». Только недавно ей исполнилось сорок лет, но, несмотря на достаточно солидный для женщины возраст, она выглядела так, словно годы проходили мимо нее. Подтянутая, всегда собранная, обладавшая почти мальчишеской фигурой, с короткой стрижкой, Чернышева по праву считалась одним из лучших аналитиков среди нескольких десятков сотрудников, составлявших ядро группы «Кларисса». Сегодня она спешила к бессменному руководителю группы генералу Маркову.

В приемной, как обычно, сидел дежурный офицер. Увидев вошедшую женщину, он быстро поднялся, кивнул на дверь:

– Они вас ждут.

– Он не один? – несколько удивилась Чернышева. В их ведомстве не любили коллективных бесед.

– У него там гость. Он просил, чтобы вы сразу вошли, как только приедете.

Она нахмурилась. Откуда мог появиться этот неведомый гость? Но уже через несколько секунд она входила в кабинет генерала.

– Добрый день, – приветствовал ее Марков, – проходите, садитесь. А заодно и познакомьтесь. Это товарищ Циннер. Полковник Чернышева, – представил он вошедшую своему гостю.

Это был человек лет шестидесяти, с маленьким лисьим лицом. Острые глаза буквально впивались в женщину. Марина почувствовала на себе колючий взгляд незнакомца. Холодно кивнула и, проходя к столу, села напротив мужчин. Она уже поняла, что гость генерала – иностранец. И это ее очень удивило. Сюда обычно не пускали иностранцев, даже самых верных союзников. Последние два года наглядно продемонстрировали, как союзники в Восточной Европе превращаются в нейтрально-враждебные государства.

– Товарищ Циннер из Берлина, – сказал Марков, – он работал в ГДР. Возглавлял аналогичную группу, со схожими задачами, в разведке немецкого государства, работавшую против Западной Германии. Сейчас проживает у нас.

– Ясно, – кивнула Чернышева.

Вот почему сюда пустили этого типа. Он просто сбежал из собственной страны. Она знала, какое количество высокопоставленных генералов и офицеров восточногерманских спецслужб во главе с Маркусом Вольфом бежали после объединения Германии в Советский Союз. И хотя формально процесс объединения все еще продолжался после падения Берлинской стены, этим людям уже не было места в новой Германии. Но что означают слова генерала об аналогичной группе в ГДР? Она никогда не слышала о такой группе. Словно подслушав ее мысли, Марков сказал:

– Это был самый засекреченный проект наших немецких товарищей. План самого Вольфа. Были отобраны красивые и обаятельные молодые люди, которые переехали в ФРГ, чтобы начать атаку на сердца старых дев – женщин в возрасте за тридцать, уже не надеявшихся встретить своих партнеров и прозябающих в одиночестве. Разумеется, все женщины такого типа должны были работать в ведомствах особого рода, имевших отношение к правительственным чиновникам, обороне и разведке ФРГ, так интересовавших наших друзей и нашу разведку.

– «Наступление на секретарш», – усмехнулась Чернышева. – Я об этом слышала.

– Дальше вам расскажет товарищ Циннер, – показал на своего коллегу генерал Марков.

– Это было не только «наступление на секретарш», – продолжил Циннер. По-русски он говорил хорошо, но с сильным акцентом. – Мы разработали целую программу. Там были разные люди. Мы использовали любые отклонения возможных агентов. Вы меня понимаете?

– Не совсем.

– Если это были, как вы говорите, старые девы, мы посылали молодых мужчин. Если это были «розовые», хотя нет, вы говорите – «голубые», в общем, гомосексуалисты, мы посылали людей соответствующей сексуальной ориентации. Если это был мужчина, желающий развлечься на стороне, то с ним знакомили красивую женщину. Мы использовали наклонности каждого из нужных нам людей. И это давало очень большой эффект. Особенно с женщинами. Они обычно бывали болтливы. Знаете, как бывает с женщинами, когда после долгих лет одиночества она встречает своего «принца»?

– Не знаю, – довольно резко парировала Чернышева, – никогда не ощущала на себе.

Марков усмехнулся. Циннер испуганно замахал руками.

– Конечно, нет. Я не это имел в виду. Такая красивая женщина, как вы, наверняка безо всяких сексуальных отклонений.

– Мне тоже так кажется, – холодно подтвердила полковник.

– Наша программа была рассчитана на десять лет. Мы начали ее разработку в восемьдесят первом. Она давала поначалу очень большой эффект, но после восьмидесяти девятого года мы по разным причинам оборвали все связи и вынуждены были ликвидировать нашу группу.

– А руководство отдела эмигрировало в нашу страну, – добавил за Циннера генерал Марков.

– Я это уже поняла, – кивнула Чернышева. – Речь идет, очевидно, о восстановлении утерянных связей?

– Да, – ответил Марков, – всегда восхищаюсь твоим умением мгновенно понять ситуацию. Нам нужно восстановить утерянные связи.

Когда он переходил с ней на «ты», это означало высшую степень доверия. И одновременно высшую степень сложности.

– Искать гомосексуалистов, развратников и неудовлетворенных старых дам в коридорах власти, – пошутила Чернышева, – не очень приятная задача.

– Мы обязаны восстановить все связи, – упрямо сказал Марков. – У товарища Циннера есть необходимая документация. Придется выходить на самых необходимых нам людей. Независимо от их сексуальной ориентации. Чем она изощреннее, тем лучше. Агент будет более тесно привязан к нам. Но действовать придется самостоятельно, не рассчитывая на поддержку местной резидентуры КГБ. Мы не можем их задействовать. Сейчас стоит вопрос об общей

реорганизации нашей агентуры в объединенной Германии. Руководство ПГУ уже отозвало из Бонна Шишкина.¹ И сейчас по-новому организуется работа четвертого отдела.²

– Разумеется, при этом мы должны учитывать мнение наших немецких товарищей, – подчеркнул он в заключение.

– Мне придется возглавить эти поиски? – поняла Чернышева.

– Как обычно, – кивнул Марков, – посмотри, кто лучше подходит для такой работы. Ты ведь у нас лучший специалист по проблемам сексуальной ориентации агентов.

Даже Циннер уловил в словах генерала насмешку. А Чернышева невозмутимо парировала:

– Только под вашим чутким руководством, товарищ генерал. У меня просто нет такого опыта.

¹ *Шишкин Евгений Изотович* – один из самых известных резидентов ПГУ КГБ за рубежом. С 1981 года до падения Берлинской стены возглавлял резидентуру советской разведки в Западной Германии.

² Четвертый отдел ПГУ КГБ СССР курировал разведывательную деятельность в обеих Германиях и в Австрии. После объединения Германии его функции были несколько изменены и вместо ликвидированных подразделений отдела, отвечавших за связь с разведкой ГДР, появились новые.

Глава 3

Марина Чернышева

Около двух лет продолжалась уникальная ситуация открытых границ. Советский Союз еще существовал, но границы противостояния двух Германий уже не было. Не было Стены, столь наглядно разделившей Берлин и весь мир пополам, не было прежних жестких кордонов. Но в Восточной зоне Германии по-прежнему находилась огромная группировка советских войск, а в Западной – по-прежнему стояли войска НАТО. И каждая сторона в полной мере пыталась воспользоваться сложившейся парадоксальной ситуацией, в которой перемешались свои и чужие.

Преимущество в этой патовой ситуации, как это ни покажется странным, было у советской стороны. Изначально было понятно, что объединение произойдет на условиях победителей, которые в данном случае будут диктовать свои правила игры. А победителями в данном случае были представители западной стороны. Было ясно и другое. Советские войска должны будут уйти из объединенной Германии. А это означает, что советская разведка – Первое главное управление КГБ СССР и Главное разведывательное управление, представлявшее военную разведку, – получила абсолютные возможности готовиться к размещению по всей стране своей будущей агентуры, которая должна будет функционировать уже после ухода советских войск из Германии.

Уникальность ситуации была и в том, что практически все руководство бывшей восточногерманской разведки перебралось в СССР и во главе с легендарным Маркусом Вольфом готовило «новые» кадры для будущей Германии. Только после августа девяносто первого Вольф покинет пределы СССР и переберется в Австрию, а уже затем предстанет перед судом в Германии, но так и не расскажет ничего о своей деятельности. А пока, в девяностом году, он вместе с группой генералов бывшей «Штази» находится в Москве и помогает в подготовке будущих агентов.

Чернышева начала работу вместе с Циннером. Он предоставил в распоряжение руководства советской разведки необходимую документацию. Ознакомившись со всеми документами, она в полной мере оценила всю изощренность плана руководителя восточногерманской разведки, одного из самых опытных профессионалов в мире – Маркуса Вольфа.

Две недели ушло на ознакомление с документами. А еще в один день генерал Марков лично сел за руль, и они вместе с Мариной Чернышевой выехали за город, на одну из конспиративных дач ПГУ КГБ, где в это время жил сам Маркус Вольф. Она с удивлением, смешанным с восторгом, познакомилась с этим человеком, ставшим легендой еще при жизни. Бесчисленное количество исследований и книг, посвященных этому человеку, не сумели раскрыть даже в небольшой мере весь характер и изощренный ум этого разведчика. Вольф, в свою очередь, с интересом разговаривал с Чернышевой, отмечая необычайно широкую эрудицию и аналитические возможности сидевшей перед ним женщины. В беседе принимал участие и Циннер, приехавший сюда на другом автомобиле.

– Это вы поедете в Германию? – спросил Вольф в самом начале беседы.

Разговор шел на русском языке. Они находились в большой просторной комнате, усевшись в удобные, глубокие кресла, стоявшие вокруг столика. В комнате лишь однажды появилась пожилая женщина, расставившая на столике фрукты, печенье, пиво и бутылку красного вина.

– Да, – подтвердила Чернышева, с тревогой ожидая приговора.

– У вас большой опыт, – одобрительно сказал Вольф. – А как вы говорите по-немецки?

– Плохо, – честно призналась Марина, – я лучше знаю испанский, английский, французский.

– Плохо, – он не удивился. Только поднял вопросительно бровь, глядя на Маркова, словно в ожидании объяснений.

– Все очень просто, – улыбнулся генерал. – В Германии понимают, что мы сразу начнем восстанавливать вашу сеть агентов, и настороженно следят за любым человеком, пересекающим бывшую границу. Любой иностранец в Западной зоне, имеющий контакты с чиновниками из правительственных учреждений либо прибывающий в Бонн, вызывает подозрение. Поэтому наши аналитики разработали план, при котором в Бонн поедет мексиканская журналистка, не совсем хорошо знающая немецкий язык. В таком варианте это вызывает меньше подозрений. Ведь ни одна разведка мира не пошлет на сложное задание агента, не знающего язык страны, где он должен работать. В таком случае это может быть кто угодно, но не разведчик. А инсценировать плохое знание языка практически невозможно. Поэтому мы приняли решение применить такой необычный вариант.

Вольф улыбнулся.

– Интересное решение. Я об этом думал раньше. Иногда мы использовали подобный трюк, когда наша агентура была завербована в третьих странах и направлялась на работу в Западную Германию. Их контрразведка ждала специалистов-немцев, хорошо владеющих родным языком. А вместо этого появлялся англичанин или итальянец, которого можно было подозревать в чем угодно, но только не в работе на спецслужбы ГДР. Поздравляю, коллега, это действительно очень оригинальный ход. А проблема Клейстера? Вы рассказали о ней своему сотруднику?

Марина насторожилась. Она впервые услышала фамилию Клейстера.

– Пока нет, – Марков отреагировал излишне спокойно. – Но и этот вариант учитывался, когда мы принимали окончательное решение, кто именно поедет в Германию.

– Мы тогда не успели разобраться, – нахмурился Вольф, – и мне очень не понравилось это запутанное дело. Нашего сотрудника Ульриха Катцера, обычно выходившего на связь с Клейстером, нашли мертвым в канале. Полицейские считали, что это было самоубийство, но убитый почему-то выстрелил в себя левой рукой. А я лично знал Катцера. Он не был левшой. И мне тогда не понравилось, что человек, никогда не державший пистолета или ручки в левой руке, в решающий момент стреляется, прикладывая пистолет именно слева.

– Вы считаете, что его убили? – понял Марков.

– У нас были такие подозрения. Но все развалилось слишком быстро. Во всяком случае, Клейстер исчез и с тех пор мы его не видели. А один из наших агентов позже подтвердил, что именно через Клейстера передал крайне важные для нас сообщения по Югославии. Это как раз то, что сейчас интересуется и вашу разведку.

– Надеюсь, ваши агенты сумеют перестроить работу и приспособиться к новым условиям, – Марков говорил скорее для Чернышевой, чем для немцев.

– Там три агента, – напомнил Циннер, – три наших сотрудника, которые сумели закрепиться в Бонне еще до падения Берлинской стены. Это были лучшие наши агенты. И задание у них было достаточно сложное. И хотя вся операция проходила в русле директив по плану «наступление на секретарш», у этих троих объекты были куда интереснее. Начальник отдела канцелярии канцлера страны, руководитель пресс-службы западногерманского МИДа, кстати, представительница очень известной фамилии, и высокопоставленный сотрудник разведки. Для разработки легенд этих женщин мы привлекли лучших психологов и сексопатологов, психиатров и аналитиков. Но временно связь с нашими агентами была законсервирована. Мы считали нецелесообразным раскрывать их подлинные имена. В декабре восемьдесят девятого мы вывезли всю документацию в Москву.

– Надеюсь, что всю, – кивнул Марков, – иначе нашим сотрудникам придется очень нелегко.

– Всю, – подтвердил Вольф, – но действовать все равно нужно осторожно. Все трое наших офицеров были посланы еще тогда, когда мы верили в свои идеалы, когда существовала наша страна и наша разведка. После падения страны они вполне могут отказаться от сотрудничества с нами. Формально их даже нельзя обвинить. Они присягали государству, которого нет.

– Вы сомневаетесь в их надежности? – сразу спросил Марков.

– Это было в другую эпоху, – честно сказал Вольф, – я не могу поручиться за каждого из них. Раньше, действительно, мог. Но сейчас не могу. Я думаю, что вы меня правильно понимаете.

– Конечно, – мрачно ответил Марков, – у нас похожие проблемы с нашими союзниками в Польше, Венгрии, Болгарии. Старые связи нарушены, приходится устанавливать новые.

– Эти три агента имели доступ к самой секретной информации, – медленно произнес Вольф. Он налил в два стакана красного вина, передал один из них сидевшей рядом с ним Марине. – Мы планировали их внедрение довольно давно. Операция проводилась в несколько этапов. Закрепление, обретение связей, знакомство, женитьба, доступ к информации.

– Им разрешалось говорить своим женам, на кого именно они работают? – заинтересовалась Чернышева.

– Как правило, они не раскрывались полностью. Речь могла идти о неких общих интересах самой Западной Германии. Но в виде исключения мы иногда давали согласие на подобный шаг.

– Этим троим вы тоже давали разрешение на подобные откровения?

– Не давали. Но агенты могли и сами проявить некоторую инициативу. Это были сотрудники, имевшие право на самостоятельные действия.

– Во всех трех случаях была использована одна и та же схема?

– Практически да. Во всех трех случаях были выбраны женщины, работавшие в интересующих нас учреждениях и не сумевшие устроить личную жизнь. Разумеется, мы отбирали и с учетом личностных характеристик каждой и их потенциальных возможностей.

– Что это означает? – спросила Марина.

Вольф мягко улыбнулся. Отпил немного вина.

– Говоря о потенциальных возможностях, мы оценивали шансы той или иной женщины найти себе мужчину.

Марина выдержала его насмешливый взгляд. Но чуть покраснела.

– Вы имеете в виду, что подбирали самых бесперспективных?

– Вот именно, – кивнул Вольф, – тех, кто уже не мог надеяться найти себе подходящего мужчину. В силу физических либо психологических причин. И вдруг появляется молодой, красивый, богатый... Это действует довольно убедительно. Вы меня понимаете?

– Это довольно жестоко, – заметила Чернышева.

– Мы не оперируем таким понятием, товарищ полковник, – спокойно произнес Вольф. – У нас несколько другие критерии отбора. Использовать любую возможность, чтобы прорвать оборону противника, – это универсальный принцип любого нападения.

– Противника, – повторила Чернышева, – а ведь речь идет о несчастных женщинах.

Марков с интересом следил за беседой, не вмешиваясь в разговор.

– Я не хочу быть циником, – усмехнулся Циннер, – но, по-моему, вы напрасно так переживаете за женщин. Они получают то, чего никогда не смогли бы получить. Хорошего, верного, красивого спутника жизни. Разве это так плохо? В конце концов, они ничего не теряют, а только приобретают.

– По-моему, вы все-таки циник, – поморщилась Чернышева. Она видела внимательный взгляд Маркова и понимала, что он, как обычно, наблюдает за ее реакцией. Но неприятие подобного «метода в разведке» было достаточно искренним.

– Я думаю, мы все понимаем ваше негодование, – снова пригубил свое вино Маркус Вольф, – но вы должны понять и нас. Это был очень эффективный и надежный способ проникновения нашей агентуры в закрытые ведомства противника. Мы получали агентов, которые уже прошли многократную проверку и в чьей лояльности никто не сомневался. Чтобы закрепиться в канцелярии канцлера либо в БНД, нашему сотруднику понадобилось бы много лет. Знакомство с женщиной позволяло существенно ускорить процесс проникновения нашей разведки в тайны другой стороны.

– У нас просто не было никаких других возможностей, – добавил Циннер, – иначе мы бы не смогли проникнуть ни в Пуллах,³ ни в МИД, ни в канцелярию канцлера.

– И вы были уверены, что все эти агенты способны выполнять любые ваши поручения? – спросила вдруг Чернышева. – Вам не кажется, что всегда существовал определенный риск провала ваших агентов?

Опытный Вольф, почувствовав, что она сейчас спросит, промолчал. А Циннер, кинув на него осторожный взгляд, сказал:

– Пока с ними были их мужчины, мы были уверены в их искреннем желании сотрудничать с нами. А почему вы спрашиваете?

– Я вдруг подумала, что будет, если кто-нибудь из подставленных вами женщин вдруг узнает, почему именно ей привалило «такое счастье» в виде ее очаровательного спутника жизни. Разочарование в таком случае бывает очень жестоким. И месть может быть довольно неприятной для вашего нелегала.

– Мы просчитывали этот вариант с нашими аналитиками, – строго ответил Циннер. – В случае необходимости агенту предлагалось немедленно свернуть всю работу и возвращаться.

– А если ему некуда возвращаться? – задала очередной вопрос Чернышева. – Вы понимаете, какой конфликт может возникнуть между обманутой женщиной и ее спутником?

– Что вы хотите сказать? – нервно дернулся Циннер.

– Ничего. Я просто просчитываю варианты. Мне кажется, что это будет самое трудное задание в моей жизни. Вы попытались воздействовать на биологическую природу женщины, на ее подсознание. И я совсем не уверена, что ваши аналитики сумели просчитать все возможные варианты. В такой ситуации возможно любое непредсказуемое развитие ситуации, особенно с учетом психических свойств обманутых женщин.

– Да, – сказал Маркус Вольф, – и именно поэтому я не могу сегодня поручиться ни за одного из моих агентов.

Циннер хотел было возразить, но, шумно вздохнув, промолчал.

Она успела увидеть и выражение лица Вольфа, и выразительный взгляд генерала Маркова. Они возвращались вдвоем с Марковым, который снова сел за руль. Почти все время он молчал. Только перед въездом в город, глядя перед собой, он сказал:

– Я понимаю, что тебя волнует. Конечно, придется очень сложно. Развал ГДР плюс подобная ситуация, где действуют в паре разочаровавшийся агент и его нелюбимая жена. В такой ситуации нужен не разведчик, а психолог. Вернее, психиатр. Поэтому я и решил послать тебя. Очень важно, чтобы ты прочувствовала атмосферу каждой семьи, попыталась понять чувства каждого из агентов. Можем ли мы положиться на них, сумеют ли они перестроиться, как будут развиваться их отношения дальше. Все это нас очень волнует. И тебе будет очень трудно. Может быть, так трудно, как тебе не было никогда. Тебе придется стать немного сексопатологом, немного психиатром, немного аналитиком.

³ Пуллах – место под Мюнхеном, где находится штаб западногерманской разведки – БНД.

Он помолчал и добавил:

– И совсем немного женщиной. А еще лучше, если ты вообще забудешь, что ты женщина. И учти, что мы до сих пор не знаем, куда исчез связной Клейстер. Это может очень осложнить твою работу.

Она посмотрела на него, но ничего не сказала. Только выходя из автомобиля, когда он остановился в ста метрах от ее дома, спросила на прощание:

– А почему вы решили поручить именно мне это дело?

Марков посмотрел на нее сквозь закрытое стекло своей «Волги». Потом медленно вывернул руль и отъехал, так и не произнеся ни слова. А она быстро пошла к своему дому. Кажется, Марков объяснил ей, почему все-таки он выбрал именно ее. Ведь он так выразительно промолчал.

Глава 4

Зепп Герлих

Зепп Герлих считал себя счастливым человеком. Родившись в голодном сорок шестом, он выжил благодаря тетушке, забравшей его к себе. И хотя нельзя считать полностью счастливым человеком ребенка, лишившегося матери уже в первые часы после своего рождения, тем не менее это был единственный досадный случай в его жизни, происшедший, очевидно, по недосмотру небесной канцелярии. Семья тетушки жила в Кайзерслаутерне, менее других пострадавшем от бомбардировок и налетов вражеской авиации. Там и рос маленький Зепп, пока в десять лет за ним не приехал отец, чтобы забрать его обратно.

Только в Магдебурге Зепп узнал, что его отец партийный функционер, которому в порядке исключения было разрешено переехать в Западную Германию и забрать сына. На дворе был пятьдесят шестой год, и положение в Венгрии волновало всю Европу и весь мир. И линия противостояния, проходившая по Германии, казалась натянутой струной, которая может в любой момент лопнуть.

Именно поэтому отец не особенно распространялся о своей истинной работе, чтобы не волновать пожилую сестру его жены, уже привыкшую к малышу и расстававшуюся с ним со слезами на глазах. Но процесс адаптации Зеппа Герлиха прошел относительно безболезненно. Он закончил среднюю школу, поступил в институт. Казалось, все шло нормально. Но после окончания института молодой Герлих не пошел в инженеры-строители, а напрямик направился в разведку, куда его пригласили еще во время учебы в институте.

Герлих готовился в течение нескольких лет, а затем выполнял специальные задания в Южной Америке, куда уверенно проникали немецкие и чехословацкие разведчики, помогая вместе с кубинскими и никарагуанскими революционерами осваивать КГБ прежде «неосвоенные земли».

В начале восьмидесятых тридцатипятилетний красавец Зепп Герлих оказался откомандированным в распоряжение отдела Циннера. Подготовка профессионального разведчика продолжалась недолго. Задание поначалу ошеломило его, но привыкший к дисциплине Герлих понимал, что шансы на успех могут быть чрезвычайно высоки.

Через полтора года в Кайзерслаутерне у престарелой тетушки объявился Зепп Герлих, который легально переезжает к родственникам после смерти своего отца. Никто, правда, не уточнял, что отец Зеппа умер пять лет назад, а он воспылал любовью к тетушке лишь тогда, когда это понадобилось восточногерманской разведке.

Переехав на Запад, Зепп Герлих основал свою небольшую фирму по продаже недвижимости. Очевидно, дела у него пошли совсем неплохо, если вскоре он открыл филиал своей конторы в Кельне. Налоговые службы не заинтересовал тот невероятный факт, что за полтора года своей «успешной» деятельности, в результате которой он открыл филиал своей компании, Герлиху удалось продать лишь три дома, да и то чисто случайно.

Но в отделе Циннера никогда не жалели денег на проведение секретных операций. К тому же все эти операции обычно планировались с учетом психологии выбранного объекта и возможности успешных действий внедряемого агента. И Зепп Герлих купил роскошный «Ягуар», потратив на это почти все деньги, лежавшие на его счету.

По странной случайности контора мистера Герлиха была расположена в доме, где жила пожилая фрау Векверт. Раз в неделю, обычно по субботам, навесить старую женщину приезжала из Бонна ее дочь – Элоиза Векверт, работавшая в канцелярии канцлера. Женщине было тридцать восемь, и она была до сих пор не замужем. Даже при мимолетном взгляде на Элоизу становилось ясно, что она никогда не была замужем. Строгий взгляд, старомодные очки, белая,

всегда тщательно выглаженная блузка, длинные, значительно ниже колен юбки и, конечно, туфли. Узкое, чуть вытянутое лицо, тонкие сжатые губы. При всем желании ее нельзя было назвать особенно красивой. Очевидно, фрейлейн Векверт это осознавала, ибо ее вечно строгий пронзительный взгляд из-под очков вполне соответствовал ее имиджу решительной и замкнутой женщины, одно появление которой наводило трепет на всех ее сотрудников. К этому времени она уже была руководителем отдела.

По «непонятному» совпадению именно по субботам приезжал в филиал своей конторы Зепп Герлих. И именно в то самое время, когда молодая фрейлейн Векверт навещала свою мать. Не обратить внимание на молодого красавца в роскошном «Ягуаре» было невозможно. И вскоре строгое лицо Элоизы начало несколько смягчаться, когда она встречала Герлиха.

А однажды он даже помог старой фрау Векверт поднять в дом тяжелую сумку. И с тех пор даже несколько раз навещал пожилую женщину, став прекрасным слушателем для скучающей одинокой дамы. В эти часы Зепп Герлих обычно слегка дремал, стараясь не шевелиться, чтобы не обидеть близорукую фрау Векверт. Но неизменно был любезен и обходителен.

Развязка наступила довольно скоро. Прибывшая в одну из очередных суббот Элоиза Векверт узнала о любезном соседе от своей матери. Пожилая женщина, не скрывая своего восхищения обходительным владельцем «крупной фирмы недвижимости», рассказывала о нем в превосходных степенях, не преминув намекнуть дочери, что для нее это была бы блестящая партия.

«Старые девы», какой и была Элоиза Векверт, обычно чувствительны к подобным замечаниям. Кроме того, после тридцати пяти, теряя с каждым годом надежды на обретение семейного счастья и вообще мужчины, они замыкаются в себе, утешая себя разного рода прописными истинами и нелепыми сентенциями, словно специально придуманными для таких случаев. «Лучше быть одному, чем жить вдвоем, но в одиночестве» – лозунг «старых дев» всех времен и народов, скрывающих естественную тягу любой нормальной женщины к мужскому вниманию.

Такие женщины часто становятся неумными моралистками и мужененавистницами, не понимая, что путают причину и следствие. К сорока годам им кажется, что они всегда не любили мужчин, оставаясь стойкими и последовательными в своих убеждениях, и, как следствие, поэтому и оказались столь стойкими в защите своих женских добродетелей. На самом деле все гораздо проще. Именно из-за того, что на эти самые добродетели никто и не думал покушаться, женщины оставались «старыми девами» и, как следствие, начинали ненавидеть всех мужчин, предпочитавших им красивых пустышек. Себя они, конечно, считали невероятными интеллектуалками, что зачастую соответствовало истине, так как внутренняя энергия женщины, оставшейся без должного мужского внимания, часто направлялась на разного рода интеллектуальные занятия. Просто потому, что другие занятия им были недоступны.

Элоиза Векверт полностью соответствовала этому образу. Она была интеллектуалкой, мужененавистницей, сделавшей успешную карьеру «старой девой», искренне считающей, что смазливое личико нравится мужчинам куда больше, чем ум и душа женщины. Но появление Зеппа Герлиха впервые поколебало это мнение.

Агенты «папаши Циннера» не полагались на свое обаяние и красоту. Ситуацию для них просчитывали опытные психологи и сексопатологи. Они выбирали личностный тип именно такого агента, который должен был соответствовать вкусам намеченного объекта. Поведение, манеры, речь, одежда, даже легенда подбирались с учетом вкусов женщины, чтобы произвести на нее ошеломляющее впечатление.

Именно поэтому во время одного из своих визитов Зепп Герлих «забыл» на столе в доме матери Элоизы томик поэзии Рильке. Элоиза была очарована. Она и не представляла, что деловые мужчины находят еще время для ее любимого Рильке. И решила сама вернуть книгу, не понимая, что попадает в спланированную ловушку.

В следующую субботу она вышла из дома матери раньше обычного. Ее автомобиль «БМВ» – не последнего года выпуска – стоял рядом с «Ягуаром» Герлиха. Она подошла к автомобилю, ожидая, когда появится Герлих. Заметив стоявшую у машины даму, он торопливо попрощался со своим сотрудником и вышел на улицу. На нем был строгий классический костюм и подобранные в тон одежды туфли, галстук, сорочка. Фрейлейн Векверт должны были понравиться подобные «мелочи».

– Добрый вечер, фройлейн Векверт, – мягко сказал он, подходя.

– Добрый вечер, – попыталась улыбнуться женщина. Именно попыталась, так как делала это впервые с определенной целью – чуть-чуть понравиться.

– Как ваша мать? – любезно осведомился Герлих.

– Благодарю вас, герр Герлих. Мама всегда говорит о вас в таких восторженных тонах.

– Она очень умная женщина, – кивнул Герлих.

– Я принесла вашу книгу. Вы оставили ее на столике, в квартире моей мамы.

– Спасибо, – обрадовался Герлих, – я очень люблю эту книгу и все время думал, где именно мог ее оставить.

– Вы любите Рильке, – поняла женщина. На этот раз ее улыбка получилась более естественной.

– Просто обожаю, – чтобы знать больше, он выучил несколько стихотворений прежде неизвестного ему поэта. Он хотел процитировать строчки, но вспомнил, что психологи советовали делать ему это только в постели либо в другой интимной ситуации. Цитировать стихи на улице было нельзя. В этом был налет мелодраматичности, и это могло не понравиться Элоизе Векверт.

Он взял книгу и сдержанно поклонился, уже точно зная, что произойдет. Женщина безуспешно пыталась завести свою машину. Ее автомобиль всегда стоял рядом с его машиной, и Герлих уже давно изготовил запасной комплект ключей. А сделать так, чтобы ее машина не смогла завестись, было совсем нетрудно.

Он спокойно понаблюдал, как она пытается завести мотор, и лишь потом подошел к ее машине.

– Кажется, у вас проблемы? – улыбнулся Герлих.

– Да, – озабоченно призналась женщина, – она почему-то не заводится. Не понимаю, что могло случиться.

– Давайте я попробую, – предложил он.

Она охотно, даже слишком охотно уступила ему свое место. После нескольких неудачных попыток он пожал плечами.

– Нужно позвонить в Центр, сообщить о неисправности вашего автомобиля, хотя сегодня субботний вечер. Они могут провозиться довольно долго. Может, мы вызовем техников, а я повезу вас домой?

Она чуть смутилась. Но предложение было заманчивым. Ей нравился этот красивый высокий мужчина, удачливый бизнесмен и любитель поэзии Рильке. Поэтому приняла его предложение, не понимая, что делает очередной шаг к мышеловке.

Он отвез ее в Бонн, где она жила, почти не произнеся по дороге ни слова. Именно по такому сценарию все должно было развиваться. Подсознание женщины должно было само продолжить их разговор. Во время встречи с фрейлейн Векверт нужно было изображать строгого романтика, любителя поэзии и сдержанного мужчину. Именно такой образ должен был понравиться Элоизе Векверт. И именно таким предстал перед ней Зепп Герлих. Мужчина ее мечты, в которого она должна была влюбиться. И на которого с этого момента должна была работать.

Глава 5

Марина Чернышева

Севиля – один из самых красивых городов Испании. Хотя в этой стране трудно выделить какой-то конкретный город. Блестящая Барселона, аристократическая и эклектичная в своей архитектуре; великолепный, похожий на пышно одетого сеньора, солнечный Мадрид; древний Толедо с его средневековыми улочками и площадками; средиземноморский город-порт Малага, в котором отчетливо просматривается смешение стилей и вкусов, что столь характерно для городов Южной Испании. Но даже среди них выделяется Севиля, сказочная жемчужина на юге страны, омываемая волнами Гвадалквивира.

В жаркие летние дни город вымирает во время сиесты – послеполуденного отдыха – и лишь с наступлением вечерней прохлады оживает, чтобы снова затихнуть далеко за полночь. Но сейчас, глубокой осенью девяносто первого года, даже во время сиесты в городе попадаются прохожие, а некоторые магазины, даже презрев важность традиционного отдыха, продолжают работать.

Отель «Альфонсо XIII» был расположен в историческом центре старого города. Открытый еще в тысяча девятьсот двадцать девятом году, этот роскошный отель насчитывал сто сорок шесть обычных номеров, восемнадцать сюитов и королевские апартаменты, в которых обычно останавливались приезжие арабские шейхи, на которых не столь сильно действовало жаркое солнце Севильи, немилосердно выжигающее все вокруг.

Внешне здание отеля напоминало небольшой пятиэтажный дворец, в архитектуре которого отчетливо просматривался так называемый «мавританский стиль». Правую башню с колоннадой и арками дополняли две остроконечные башенки на крыше, расположенные между словами «Отель Альфонсо XIII». Вокруг здания бурно цвела субтропическая растительность и выделялись высокие пальмы, посаженные в саду перед отелем.

Даже в номерах выдерживался единый стиль, при котором широкие кровати были с пышными пологам, а тяжелая мебель и люстры дополняли общее впечатление. Именно в этом отеле остановился прилетевший из Аргентины Альфред Кохан. С раннего утра он уже успел поговорить со своим компаньоном в Севилье и позвонить в Буэнос-Айрес, где находился центральный офис его международной компании.

Ровно в одиннадцать часов утра он вышел из отеля, направляясь к площади Испании, рядом с которой был расположен парк Марии-Луизы. Очевидно, его запланированная встреча должна была состояться именно в этом парке, если, придя на место, он посмотрел на часы и начал медленно прогуливаться по дорожкам. Еще через двадцать минут со стороны площади появилась женщина.

Остановившись, он смотрел, как она подходила к нему. Высокая, красивая, волевой подбородок, ровный прямой нос, чуть раскосые глаза. Она шла к нему не сворачивая, и он знал, что это была именно та самая женщина, ради которой он перелетел в Европу и собирался снова вернуться в Германию.

– Добрый день, – просто сказала женщина, подойдя совсем близко и протягивая руку. – Вы Альфред Кохан? – По-испански она говорила очень хорошо.

– Да, – он пожал ей руку, недоумевая, как они нашли подобного агента. И спросил, что полагалось спросить при их первой встрече:

– Откуда вы прилетели?

– Из Мексики. Меня зовут Мария Чавес.

– Тогда все в порядке, – кивнул он, – я жду именно вас.

Было довольно солнечно, хотя наступление осени чувствовалось уже и в самой Севилье. Они зашагали по дорожке парка. Гравий мягко хрустел под ногами.

– Вы хорошо говорите по-испански, – одобрительно сказал Кохан, – это ваш родной язык?

– Почти, – призналась она, – еще я одновременно говорю по-русски и по-английски.

– Вы знаете немецкий?

– Почти не знаю. Понимаю почти все, но говорить не могу. Наши аналитики считали, что это к лучшему. Невозможно все время притворяться.

– Может быть, – согласился он. – Надеюсь, вы объясните мне все необходимое. Меня нашли и вызвали с другого конца света, лишь объяснив, что я должен сотрудничать с вашей разведкой.

– Это вас не устраивает?

– Мне казалось, что я должен буду закрепиться, освоиться. Я только начинал свою деятельность, когда пришел вызов. Вы понимаете мои мотивы?

– Конечно, – сказала она, – но у нас нет времени. Мы обязаны спасти все, что еще можно спасти. Если хотите, речь идет и о судьбе ваших товарищей.

– Не нужно меня уверять, что КГБ действует исключительно из гуманных соображений. Вас, конечно, интересует и агентурная сеть в Западной Германии. Наша бывшая агентурная сеть.

– Вы отказываетесь? – спокойно спросила женщина.

– Надеюсь, у вас нет приказа о моей ликвидации? – Он не шутил. Он просто спрашивал.

– Нет. – Она остановилась и взглянула на него. – Меня просил передать вам привет ваш бывший руководитель Маркус Вольф. Он сказал, что вы всегда были умным и толковым резидентом. И сами разберетесь, что к чему. Еще он просил добавить, что речь идет о Юргене. Он сказал, что вы знаете, о каком Юргене он говорит.

Он выдержал ее взгляд. Не отвел глаз. Только спросил:

– Больше ничего?

– Это все, что я должна была вам сказать.

– Ясно. Теперь все ясно. Отныне я должен переквалифицироваться и из бывшего сотрудника нашей разведки превратиться в сотрудника вашей.

– Вашей разведки больше не существует, герр Кохан, – терпеливо напомнила Марина. Они снова возобновили движение.

– Зато пока существует ваша, – пробормотал он, – нет, ничего. Все правильно. Я об этом много думал. Кто-то должен был подобрать столь ценный материал, как рассыпанные по всему миру наши бывшие резиденты и нелегалы. Хорошо, что это сделали вы, а не американцы. Так нам будет легче перестраиваться. Мы все-таки были союзниками.

– И останемся ими.

– Не нужно себя обманывать, сеньора Чавес. Моей страны больше никогда не будет. Будет другая Германия, может быть, более счастливая, более сильная. Но страны, в которой я вырос, которой я присягал, в которой стал офицером, больше нет. И я теперь автоматически становлюсь другим агентом. Другим человеком, если хотите. Немцем, работающим против собственной страны на чужую разведку. Во всем мире таких людей называют предателями.

Он говорил спокойно, словно анализируя случившееся. Это ей нравилось. Он избегал надрыва, ненужных эмоций. Просто вслух рассуждал, словно советуясь сам с собой.

– Впрочем, свой выбор мы уже сделали, – добавил он в заключение, – и довольно давно. Подозреваю, что герр Вольф знает меня лучше меня самого. Что мы должны делать?

– Вам не рассказали в Аргентине?

– Только в общих чертах. Встретить в Испании Марию Чавес и вместе с ней проверить агентурную сеть нашего «папаши Циннера». Все правильно?

– Правильно. Только почему «папаша Циннер»?

– Так мы его называли. Вы знаете, чем именно занимался его отдел?

– Знаю. Трех сотрудников его отдела мы и должны проверить. Они работали в Западной Германии, и связь с ними была потеряна еще в конце восьмидесят девятого. Резидент, находившийся в контакте с этими агентами и пытавшийся выйти на связь с Вольфом, был ликвидирован. И мы до сих пор не знаем, кто это сделал. Связь со всеми троими была потеряна, и мы решили восстановить ее именно теперь.

– Об этом я уже догадался, – кивнул Кохан. – В каком отеле вы остановились?

– Отель «Besguer», это на улице Католиков.

– Да, – чуть удивился Кохан, – кажется, экономия средств коснулась и вашей разведки. Раньше связные и резиденты КГБ всегда останавливались в лучших отелях города.

– Мы не располагаем вашими средствами, герр Кохан, – улыбнулась Марина, – я не могу жить в «Альфонсо XIII».

– У вас красивая улыбка, – внезапно сказал он, – и вы умеете слушать. Кажется, мы с вами сработаемся. Но откуда вы знаете, где именно я остановился?

– Это было нетрудно, – призналась женщина, – нужно было только позвонить в лучшие отели Севильи. И почти сразу получить необходимую информацию.

– Вы аналитик? – понял Кохан.

– Да. Я в разведке уже почти двадцать лет.

– Вы прекрасно выглядите, – он был младше ее всего на несколько лет. Но если для мужчины около сорока – это настоящий расцвет, то для женщины после сорока – бабья осень. Последние годы перед теми изменениями, после которых она не сможет зачать. И хотя большинство женщин к этому времени и не помышляют о родах, становясь даже бабушками в этом возрасте, тем не менее ощущение потери бывает болезненным и тяжелым ударом.

Казалось, избавление от неудобства, столько лет причинявшего определенные трудности раз в месяц и становившегося так часто серьезной проблемой для женщины, решавшей избегать ненужных осложнений, должно радовать любую из них. Но ощущение утраты все равно бывает оглушительным ударом. И даже не потому, что с этим связаны определенные физиологические перемены. Женщина словно перестает быть готовой выполнять свою самую главную, самую основную функцию в этом мире. И, может быть, бесплодие молодой женщины – самое ужасное и самое страшное из наказаний, придуманных сатаной. Ибо бог не может быть так немилосерден.

Марина благодарно взглянула на Кохана и улыбнулась. Кажется, они оба подумали об одном и том же. Им предстоит провести вместе несколько дней, возможно, несколько недель. И им нужно будет узнать друг друга ближе. Намного ближе. Чтобы в трудный момент отчетливо представлять себе – можно ли положиться на своего напарника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.